

Юань Хан влачил жалкие дни в горах, сердце его тосковало, а мысли часто путались. Кроме матери, он никого не помнил.

Чай Цзыжань нахмурился: рассказ Юань Хана сильно расходился с версией Матушки Хуа. Разбойники, преследовавшие Цзинь Синя, действовали слаженно — с того момента, как он появился на Переправе Восьми Бессмертных, они шли по его пятам, вместе с ним преодолели всю Переправу и, похоже, не собирались останавливаться. Это явно был организованный и дисциплинированный отряд. А вот тех, кто похитил его сестру, будто разделили на группы: они не только установили контрольные пункты в горах, но и в каждом ущелье действовали разные люди. Неужели разбойников было две шайки?

Мо Цюцзюнь сказал: «Разбойники — одна шайка. Два тигра на одной горе не уживутся. Будь их два разных отряда, на Переправе Восьми Бессмертных не было бы такого спокойствия, да и в уезде Суюй со столицей непременно бы узнали».

Чай Цзыжань кивнул: «Выходит, они не обычные разбойники». Его смущало три вещи. Во-первых, хоть Переправа Восьми Бессмертных и извилиста, но всё же близка к столице. Во-вторых, они хватали кого попало — мужчин, женщин, стариков, — лишь бы путник был один. Ходили слухи, будто уводят на работы, на пашню. Дыма без огня не бывает — похоже, правда. В-третьих, если они и впрямь пашут, зачем тогда становиться разбойниками? Чем кормиться, если не грабежом?

Мо Цюцзюнь сказал: «Всё равно сначала нужно разведать путь». Его пристальный взгляд упал на Чай Цзыжаня, отчего у того по спине побежали мурашки.

Чай Цзыжань ответил: «Это дело требует обдумывания. Слишком поспешные действия могут привести к неприятностям». Неприятностям, разумеется, для него самого. Подумав, добавил: «Нам следует найти Цзинь Синя. Раз его преследовали, он наверняка знает о разбойниках побольше нашего».

Мо Цюцзюнь отрезал: «Не нужно. Я уже подробно его расспросил, общая картина ясна. Не бойтесь, господин Цзыжань, я всё улажу!»

Чай Цзыжань почувствовал, будто проваливается в трясины. И выкопал эту трясины не кто иной, как Мо Цюцзюнь, заранее подготовив её для него. С горечью он спросил: «А можно мне узнать, что это за картина?»

Мо Цюцзюнь задал встречный вопрос: «Каковы обязанности помощника уездного начальника?»

Чай Цзыжань недовольно буркнул: «Помогать уездному начальнику в расследовании дел».

«Вот и отлично!» — Мо Цюцзюнь осклабился, и его холодная улыбка заставила Чай Цзыжаня похолодеть изнутри.

Мо Цюцзюнь сказал: «Так смело отправляйтесь в путь, господин Цзыжань!»

Чай Цзыжань: «...»

С детства его героем был У Сун — тот, кто, зная, что на горе тигр, всё равно шёл навстречу опасности. Вот это был настоящий герой! Но когда на месте героя оказался он сам, в груди поселились лишь тревога и страх. Пусть он и довёл искусство бегства до совершенства, но и герои иногда попадают в беду. Сильный дракон не одолеет местную змею. Вдруг в каком-

нибудь заросшем уголке Переправы Восьми Бессмертных выползет змея, и он, не испугавшись грубых разбойников, скончается от одного её вида? Всё возможно.

Обед Чай Цзыжаню оплатил Мо Цзюцзюнь, да ещё и в Тереме Хуахуа. Тот даже велел знакомой Чай Цзыжаню девушке Хуахуа составить компанию — наливать вино и наигрывать мелодии. Такая забота, такое понимание, такая щедрость напугали Чай Цзыжаня до дрожи в коленках. В панике он умял три куриные ножки и, запинаясь, спросил: «Прошу вас, господин Цзюцзюнь, скажите, чем я вас прогневал? Я исправлюсь, исправлюсь, честно!»

Мо Цзюцзюнь сияюще улыбнулся: «А мелодия-то хороша!»

Чай Цзыжань, ещё больше перепугавшись, принялся за четвертую ножку, едва сдерживаясь, чтобы не заткнуть уши. Девушка Хуахуа, недавно пережившая сердечную рану, была бледна, как призрак, а в душе её кипели обида, гнев и тоска. Её мелодия вышла печальной, тоскливой, скорбной. Будь она сыграна несколько лет назад, когда умерли его родители, настроение бы совпало. Но сейчас, чем больше он слушал, тем сильнее сжималось сердце.

Мо Цзюцзюнь, видя, как Чай Цзыжань поглощает четвертую ножку и четвертый бокал вина, с улыбкой заметил: «Аппетит у тебя сегодня что надо. Четыре бокала да четыре ножки — вместе как раз восьмёрка выходит. В детстве ты же всё твердил: "Восемь, восемь, восемь — к богатству, богатству, богатству!" Вот тебе и восьмёрка. Радуйся».

Чай Цзыжань так вздрогнул, что расплескал вино из бокала. «Я выпил только три бокала, не четыре!» — выпалил он, мысленно костеря Мо Цзюцзюня за его злопамятность. Когда-то в детстве он с матерью гостил в доме великой старшей принцессы. На столе стояло восемь заливных рулек. Мальчишка, жадный до вкусного, наговорил с три короба: «Восемь, восемь, восемь — к богатству, богатству, богатству! Только съем все восемь — и богатство навеки придёт!» А в тарелке Мо Цзюцзюня как раз лежала рулька, от которой тот только откусил. Чай Цзыжань устроил истерику и при всех отобрал её.

Прошлое было слишком стыдным, но Мо Цзюцзюнь его запомнил.

Какая же у него память, мелочная до невозможности!

Мо Цзюцзюнь долил вина в бокал Чай Цзыжаня и строго приказал: «Пей!»

Чай Цзыжань: «...»

Видя его неподвижность, Мо Цзюцзюнь нахмурился: «Как же ты обретёшь "богатство навеки", если не допьёшь?»

Чай Цзыжань, стиснув зубы, опрокинул бокал. Мо Цзюцзюнь с удовлетворением потрепал его по голове — волосы оказались приятными на ощупь, и гладить их было всё равно что гладить щенка. Удовлетворившись, он оставил Чай Цзыжаня с растрёпанной шевелюрой и повёл его из комнаты.

Навстречу им с улыбкой вышла Матушка Хуа, но, прежде чем она успела вручить счёт, Мо Цзюцзюнь сказал: «Благодарю за угощение, матушка Хуа! Впредь буду частым гостем!»

Матушка Хуа: «...»

Мо Цзюцзюнь, открыто пообедавший в Тереме Хуахуа без оплаты, был в прекрасном настроении. Взяв за поводок осла Чай Цзыжаня, чей нрав был не лучше, чем у важного

господина, он с улыбкой взглянул на седока: «А ты сегодня славно выглядишь!»

Чай Цзыжаня, которого готовились отправить в горы в качестве приманки, терзала лишь одна мысль: почему его внешность не столь же прекрасна, как у Лоу Юйцзэ? На комплимент он ответил внутренним стоном. По мере того как они удалялись от людских мест, Чай Цзыжань, чувствуя себя польщённым и одновременно обречённым, спросил: «Ты правда ничего мне не расскажешь?»

Мо Цзюцзюнь сделал вид, что не понимает: «О чём это ты?»

«Кто такие эти разбойники? Где моя сестра? Как мне её искать? Где водятся змеи, а где нет? Зачем разбойникам похищать людей? Почему они преследовали Цзинь Синя? Угрожает ли что-то моей сестре?»

Мо Цзюцзюнь помолчал. «Всё узнаешь на месте», — наконец сказал он и, помедлив, добавил: — «Только не забудь побольше разузнать».

Лицо Чай Цзыжаня окончательно потемнело. «А если меня схватят? Или того хуже...»

Мо Цзюцзюнь серьёзно ответил: «Я буду по тебе скучать».

Чай Цзыжань: «...»

Лёгкий ветерок коснулся его сердца — словно живительная влага, он мгновенно протрезвил Чай Цзыжаня, не позволив ему вступить в безнадёжный спор с Мо Цзюцзюнем. Да и спорить было незачем: будь с ним Суй Фэн и Суй Ин или нет, Мо Цзюцзюнь мог придавить его одним пальцем.

Ветерок лишь напомнил ему: препираться с Мо Цзюцзюнем — всё равно что искать смерти. Переспоришь — умрёшь, не переспоришь — тоже умрёшь. Раз уж ему суждено быть приманкой, лучше уж отправиться в горы самому — так хоть сохранишь достоинство. Хотя сам Чай Цзыжань не замечал, что его спина выражала лишь усталость, тоску и безысходное одиночество.

Суй Фэн, не выдержав, сказал: «Господин, вы и вправду отпустите господина Цзыжаня одного выманить змею? Вдруг эти жестокие разбойники причинят ему вред?»

Мо Цзюцзюнь ответил: «Ничего. Пусть немного пострадает — полезно».

Суй Фэн понял: господин всё ещё зол на Чай Цзыжаня за ту историю с Юань Ханом.

Суй Ин спросил: «Господин, вы планируете спасти красавца в беде?»

Суй Фэн насторожился, наострив уши для сплетен. Мо Цзюцзюнь лишь улыбнулся в ответ. Суй Фэн тут же всё понял: неужели господин наконец решил действовать? Но разве такой старомодный приём уместен? Руководствуясь преданностью, он осторожно заметил: «Господин, этот план... не слишком ли он... избит?»

Мо Цзюцзюнь тронул уголок губ. «А ему именно такое и нравится».

Суй Фэн замолчал. Эти любовные дела не поддавались обычной логике. Видимо, господин Цзыжань, при всей своей внешней степенности, в душе был большим романтиком, любившим подобные старомодные штуки.

Хоть Чай Цзыжань и жил в столице, уезд Суюй посещал часто. Переправу Восьми Бессмертных, эти восемь холмов, он пересекал бессчётное число раз — но в паланкине. Теперь же, впервые идя пешком, он воочию убедился, насколько тяжек и мучителен подъём. Видимо, носильщикам стоило бы прибавить жалованья.

<http://bllate.org/book/15931/1423962>